

Глава 522: Веду себя, как дурачок

Люди на корабле были в еще большем смятении, чем толпа на берегах реки Ло.

Матч уже был завершен некоторое время назад, но ни Чэнь Чаншэн, ни Сюй Южун не спускались с Моста Беспомощности. Вместо этого они спокойно стояли на конце моста со стороны Чэнь Чаншэна, глядя на то или иное.

Никто из таких важных лиц, как Мао Цююй или Линхай Чживан, или даже Сюй Шицзи, не верил, что Чэнь Чаншэн и Сюй Южун знали друг друга. Более того, они очень хорошо понимали значимость, скрытую за этой битвой, так что не думали, что Чэнь Чаншэн и Сюй Южун начали симпатизировать друг другу через этот обмен мечей. Тогда почему, когда эта битва лишь закончилась, они так спокойно стояли рядом друг с другом? И почему они были так близко? Что они делали?

«Что здесь происходит?» - сказал Танг Тридцать Шесть, глядя на спины тех двух людей на мосту.

Мо Юй чувствовала тоже самое, и когда она связала это с той ночью, когда Сюй Южун посетила Ортодоксальную Академию, чем больше она думала, тем больше ей казалось, что что-то было не так, из-за чего она сморщила лоб.

Танг Тридцать Шесть в раздражении сказал: «Меня не волнует, если они делают одинокий вид или симулируют отчаяние, но могут они хоть немного побеспокоиться о настроении нас, зрителей?»

Су Моюй, стоявший сбоку, спросил: «Каком настроении?»

Танг Тридцать Шесть указал на Чэнь Чаншэна и Сюй Южун на Мосту Беспомощности, объясняя: «Они только что провели такой яростный бой и очевидно, что они ранены. В это время, под взглядами стольких людей, они все еще в настроении восхищаться снегом? Тебе не кажется, что это слишком... то самое?»

‘То самое’ было непристойным словом.

У толпы на берегах реки Ло и людей на корабле могли быть разные настроения, но никто из них не думал о проклятьях, как Танг Тридцать Шесть.

Потому что сцена на Мосту Беспомощности в этот миг была действительно прекрасной.

.....

.....

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун стояли на одной стороне моста спинами к большому кораблю и бесчисленным людям на берегах реки Ло, как будто те не существовали в этом мире.

Когда прошло некоторое время, Чэнь Чаншэн поднял голову и посмотрел на нее, говоря: «Ты...»

Сюй Южун не обернулась, продолжая смотреть на реку Ло вверх по течению. Она спокойно ответила: «Не говори».

Чэнь Чаншэн немного нерешительно сказал: «Тогда я...»

Сюй Южун подняла брови, говоря: «Разве я не сказала не говорить?»

Чэнь Чаншэн опустил голову: «О».

Сюй Южун смотрела на снежинку, опускающуюся вниз перед ней: «Не говори никому о нашем деле»,

Разве ты не сказала мне не говорить? Чэнь Чаншэн лишь смел думать об этих словах, а затем, думая о ее просьбе, он был в некотором смятении.

«Э?»

Сюй Южун вдруг спросила: «Счастлив?»

Чэнь Чаншэн очень покорно ответил: «Мм».

Сюй Южун повернула голову к нему, а затем улыбнулась: «И правда глуповат».

Чэнь Чаншэн почесал голову, а затем сказал: «Эх».

«Я уйду первой», - заявила Сюй Южун.

Чэнь Чаншэн в некотором удивлении с волнением сказал: «Эм?»

Сюй Южун вытянула руку и приняла храмовой меч, а затем направилась к своей стороне моста.

Чэнь Чаншэн смотрел, как ее тело постепенно исчезает в снегу, в полной растерянности, как отреагировать.

Он вновь ощутил то чувство, которое у него было несколько дней назад перед Мавзолеем Чжоу.

Казалось, что бесчисленные эмоции наступали на него подобно волне.

В этот раз в волне не было грусти, но она была крайне сложной.

Он крайне бестолково стоял на Мосту Беспомощности. Когда он смотрел, как улетает Белый Журавль, он вдруг увидел подобного на фазана молодого Пэна.

Юный Пэн среди ветра и снега изогнул голову, чтобы взглянуть на него, что сильно было похоже на то, как будто он насмехался над ним.

Юноша вновь повернул голову, чтобы посмотреть на реку Ло. Он опустил голову, прислонившись к перилам.

Юноша не прикрывал свое лицо руками. Он знал, что его лицо было пламенно горячим в этот миг.

Другой причиной того, почему он не прикрывал лицо рукой, был маленький листок бумаги в руке.

Маленький листок бумаги был тайно всунуть в его руку Сюй Южун, когда она забирала храмовой меч.

В Шесть Плющих, а также в частных школах и провинциальных академиях графств, провинций и сельской местности, когда утреннее сияние солнца за окном было ярким и восхитительным, между столами часто передавались маленькие листки бумаги.

Этот маленький листок бумаги был подобен лучу утреннего сияния солнца.

Сегодня, в компании ветра и снега, перед бесчисленными людьми столицы, он тоже получил листок бумаги.

На нем было написано место и время.

Рыба с Тофу на Дороге Удачного Мира.

Сегодня, при закате.

Это был первый раз, когда Чэнь Чаншэн получал подобный листок бумаги.

Он вспомнил те истории об одаренных ученых и прекрасных леди, которые он однажды читал, а также советы, которые предоставлял ему Танг Тридцать Шесть в его повседневной жизни. Он весьма неубежденно думал, было ли это тем, что подразумевалось под 'свиданием'?

Ветер и снег были, как и ранее, но Мост Беспомощности постепенно начал становиться более оживленным.

Сюй Южун признала поражение, а затем удалилась. Битва, которой все были поглощены, наконец-то пришла к концу.

Более того, даже не упоминая, какую переменную эта битва на Мосту Беспомощности представляла к конфликту между Дворцом Ли и Имперским Двором, эта битва неизбежно будет записана в книгах истории, становясь первой битвой между будущим Попом и Святой Девой. Затем другие люди будут упоминать ее бесчисленные количество раз, как сейчас, например. В этот миг многие люди хотели знать детали этой битвы.

Особенно Танг Тридцать Шесть.

Его не беспокоили указания кавалерии Ортодоксии и Имперских Стражей. Превращаясь в облако дыма, он побежал к Мосту Беспомощности. Задышавшись, он посмотрел на Чэнь Чаншэна и спросил: «Кто же победил?»

В этот миг Чэнь Чаншэн все еще был в состоянии ступора. Услышав его вопрос, он неосознанно ответил: «Она не проиграла».

«Я напоминал тебе ранее, не поддавайся ей просто потому, что она выглядит красивой! А теперь, посмотрите-ка, ты не поддавался, но твой рот играет в эти игры! Она не проиграла, так это значит, что ты проиграл? Сюй Южун уже признала, что она проиграла, а ты все еще пытаешься одурачить меня!» - злобно сказал Танг Тридцать Шесть.

Чэнь Чаншэн был в некотором смятении, почему тот злился, думая, даже если это и так, ты, как мой друг, не должен ли быть рад за меня?

«Так как ты смог победить ее, что это были за разговоры перед матчем, чтобы я поставил на твой проигрыш? Чего ты добиваешься?»

Пока Танг Тридцать Шесть думал об этом, он стал абсолютно разъяренным: «Ты - свинья!»

Чэнь Чаншэн вспомнил эту ситуацию, а затем вспомнил много другого. Чувствуя себя довольно стыдливо, он признал: «Да, я - свинья».

Танг Тридцать Шесть был ошеломлен. Лишь сейчас он осознал, что что-то было не так, что казалось, как будто Чэнь Чаншэн был в другом мире.

.....

.....

Группа Чэнь Чаншэна вернулась в Ортодоксальную Академию под взглядами бесчисленных людей столицы и аплодисментов с обеих сторон улицы.

Рестораны у стен академии вывесили повыше цветные лампы, и были слышны случайные мелодии цитры. Из-за своей гордости и радости о победе директора студенты и учителя Ортодоксальной Академии были там, вволю празднуя.

Чэнь Чаншэн не выходил в течение очень долгого времени после возвращения в свою комнату.

Танг Тридцать Шесть, Су Моюй и Сюаньюань По стояли на первом этаже, глядя вверх на окно третьего этажа, их лица были полны сомнений.

Чэнь Чаншэн в конечном итоге одержал победу в этом матче, который был центром внимания целого мира, и он победил в такой прекрасной манере, без возможных деталей для критики. Но почему на его лице было видно мало эмоций победителя? Даже если у него была помолвка с Сюй Южун, он мог чувствовать немного сложные эмоции из-за этого, но до такой степени?

Что же случилось на Мосту Беспомощности? С какой проблемой столкнулся Чэнь Чаншэн?

«Чтобы человек, одержанный чистотой, признал, что он - свинья...»

Танг Тридцать Шесть смотрел на окно с мрачным лицом: «Это дело вовсе не кажется таким уж и простым».

.....

.....